

В.Г. Выстропов

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследовано влияние механизма совершения преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности, на планирование, подготовку и осуществление допросов подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей. Обращается внимание на конфликтный характер ситуации допроса руководителей экстремистских формирований, предопределенный специфической мотивацией этих лиц. Даются рекомендации по повышению результативности допроса.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская организация, экстремистское формирование, организация, преступления, мотивы, ненависть и вражда, социальные группы, допрос, показания, следственное действие

V.G. Vystropov

GENERAL SITUATION OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ORGANIZATION OF EXTREMIST ACTIVITY

This paper investigates the impact of the committing crimes mechanism related to the organization of extremist activities, for the planning, preparation and implementation of the interrogations of suspected (accused) and witnesses. Attention is drawn to the conflicting nature of the situation of the interrogation of extremist groups' leaders, predefined specific motivation of these individuals. The article expresses recommendations for improving the effectiveness of the interrogation.

Keywords: crimes of an extremist, extremism, extremist activity, extremist organization, extremist formation, organization, crimes, motives, hatred and enmity, social groups, interrogation, testimony, investigative action

Осуществляя теоретический и эмпирический анализ преступлений экстремистской направленности, мы обратили внимание на то, что они представляют собой не только весьма обширную и разнообъектную группу, объединенную по критерию выражения субъектами преступления специфической деструктивной мотивации [1, с. 59–63], но и существенно различаются между собой с точки зрения криминалистических закономерностей механизма их совершения [2, с. 40–45]. Исследование предложенных различными авторами классификаций преступлений экстремистской направленности, побудило нас выразить поддержку оригинальной классификации А.В. Варданяна и Р.В. Кулешова [3, с. 5 – 10; 4, с. 31–35], учитывающей глобальный [5, с. 151–154], интеграционный [6, с. 115–118] подход к систематизации преступлений названной категории [7, с. 94–97], построенной на приоритете закономерностей механизма совершения

преступлений указанной категории. В структуре данной классификации наше внимание привлекла такая специфическая группа преступлений экстремистской направленности, как преступления организационно-распорядительного характера, иными словами, преступления, связанные с организацией экстремистской деятельности.

С точки зрения уголовного закона эти деяния криминализованы в ст. ст. 282.1 (Организация экстремистского сообщества), 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации), 282.3 УК РФ (Финансирование экстремистской организации). Указанные посягательства, на наш взгляд, наиболее наглядно олицетворяют сложный, многоэпизодный, иерархичный характер экстремистской деятельности, с отчетливо выраженной инициативой лидеров экстремистских формирований по созданию и обеспечению функционирования экстремистской организации, подготовке различных экстремистских акций, жесткой подконтрольностью рядовых членов своим руководителям.

Своевременное выявление, пресечение, раскрытие и расследование названных деяний, всестороннее изобличение руководителей экстремистских формирований обладает несомненным приоритетом с точки зрения эффективности борьбы с экстремизмом в сравнении с эпизодическим пресечением отдельных («точечных») экстремистских акций, задержанием рядовых участников группировок, не владеющих информацией относительно масштабов деятельности всего формирования. Вместе с тем обязательным атрибутом организации и осуществления экстремистской деятельности является реализация субъектами преступлений специфической мотивации, выражающейся в крайнем неприятии (на уровне ненависти и вражды) представителей какой-либо социальной группы по соображениям политического, идеологического, расового, национального, религиозного антагонизма, либо антагонизма в отношении какой-либо иной социальной группы. Планируя и организовывая осуществление различных экстремистских акций, пусть даже в отношении конкретных лиц, субъекты преступления идентифицируют их не как личностей, а исключительно как представителей враждебной им социальной общности.

Указанные обстоятельства предопределяют специфические особенности осуществления следственных действий вербальной природы по уголовным делам об указанной категории преступлений, в системе которых ведущая роль традиционно отводится допросу [8, с. 63–69].

При проведении допросов различных лиц, проходящих по уголовным делам по указанной группе преступлений, разумеется, приемлемы наработанные криминалистикой тактико-криминалистические приемы и рекомендации [9, с. 15–18], касающиеся в целом процесса формирования и получения показаний [10, с. 166–173; 11, с. 73–79], а также общие методико-криминалистические рекомендации по расследованию преступлений экстремистско-террористической направленности.

Отчетливо выраженный иерархичный характер механизма осуществления указанных деяний актуализирует особую значимость допросов руководителей экстремистских формирований для установления совокупности обстоятельств совершенных посягательств. Именно эти лица объективно владеют обширной информацией относительно реального содержания и масштаба экстремистской деятельности возглавляемых ими организаций, состава участников, количестве

и обстоятельствах всех совершенных ими экстремистских акций, их серийном характере, последствиях и т.д.

Вместе с тем создание и обеспечение функционирования экстремистского формирования, будь это финансирование экстремистской деятельности, вовлечение в нее иных лиц (путем склонения, вербовки) и иные действия, нацеленные на дальнейшую эскалацию организованного экстремизма, предопределены сильной мотивацией руководителей этих лиц на осуществление противодействия расследованию. По крайней мере, случаи заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с такими лицами не относятся к типичным ситуациям расследования, хотя и не исключены в принципе. Противодействие расследованию указанных деяний со стороны руководителей экстремистских формирований могут осуществляться в форме сокрытия истинной информации относительно известных им сведений, если субъект преступления установлен и задержан. В лучшем случае, при условии задержания с поличным такие лица могут подтверждать свою причастность к осуществлению т.н. вспомогательных действий, выдавая себя за рядового участника формирования, а то и случайного очевидца либо пострадавшего от экстремистской деятельности иных лиц.

Сокрытие информации относительно руководства экстремистской организацией и совершения ею различных экстремистских акций не ограничивается простым утаиванием информации либо ее искажением в сторону преуменьшения собственной роли в данном деянии. Следственно-судебной практике известны случаи попыток подозреваемых или обвиняемых придать уголовному судопроизводству политический характер, а самих себя объявить жертвами политического режима, политических репрессий и т.п.

Так, член международной «Партии исламского освобождения» (идеология которой предусматривает исламизацию всего населения, установление господства ислама как мировой религии в сочетании с ликвидацией альтернативных правящих режимов), запрещенной в России в связи с признанием ее террористической организацией, Сайбаталов М.Т. категорически отрицал свою вину. При этом он даже направлял обращение в Европейский суд по правам человека, что само по себе странным образом сочетается с его безапелляционными исламистскими убеждениями [12].

Показательно, что Европейский суд по правам человека в целом поддержал позицию правоохранительных органов Российской Федерации, констатировав, что заявители под маской сообщений об их дискриминации в связи с вероисповеданием, на деле осуществляют пропаганду крайней нетерпимости на почве религиозных убеждений.

Таким образом, расследование преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности, и непосредственно допрос руководителей экстремистской организации зачастую осуществляется в условиях конфликтной следственной ситуации, требующей выбора соответствующих эффективных для нее средств тактического воздействия.

Очевидно, что результативность допроса субъектов, осуществляющих организацию функционирования преступного формирования, возможна при условии уверенной информированности следователя относительно: обстоятельств данного деяния; линии поведения и позиции иных проходящих по уголовному делу лиц; наличия доказательств, которые могут

послужить средством разоблачения намерений субъекта преступления избежать привлечения к уголовной ответственности.

Поэтому допросу таких категорий субъектов должна предшествовать тщательная подготовка, включающая овладение информацией относительно следующих когнитивных направлений, которые мы условно дифференцируем на следующие группы: уяснение разновидности преступного формирования, сфер его деятельности, места расположения; определение его персонального состава и иерархического построения, роли каждого соучастника; психолого-криминалистические особенности руководителей и привилегированных участников, взаимоотношений между ними; принятые в формировании способы поддержания связи и обеспечения конспирации; конкретные деяния, совершенные участниками данного формирования, в том числе осужденными или ликвидированными в результате контртеррористических операций; наличие и психолого-криминалистические особенности соучастников, период находящихся в составе формирования участников, выполняющих различные вспомогательные функции, либо находящихся в состоянии оппозиции по отношению к лидерам; наличие в уголовном деле доказательств, позволяющих опровергнуть ложные показания допрашиваемого; наличие иной информации, способной при условии своевременной и методически верной уголовно-процессуальной интерпретации послужить изобличающим доказательством, предотвратить замысел субъектов преступления по сокрытию преступления.

Так, например, из материалов упомянутого ранее уголовного дела по обвинению Сайбаталова М.Т. следовало, что функционирование созданной им организации – структурного элемента международной «Партии исламского освобождения» сопровождалось осуществлением комплекса конспиративных мероприятий. Существовали специфические способы поддержания связи между соучастниками, предупреждения об активизации деятельности сотрудников правоохранительных органов, воспринимаемой как «опасность». Несмотря на позицию Сайбаталова М.Т., направленную на отрицание причастности к функционированию экстремистской ячейки, факты и конкретные обстоятельства существования и жизнедеятельности данной организации подтверждались анализом листовок, распространяемых членами структурного элемента «Партии исламского освобождения», показаниями других лиц, проходящих по уголовному делу. Определенная информация, послужившая доказательством по настоящему уголовному делу, была успешно почерпнута также из материалов иного уголовного дела по аналогичной группе деяний, по которому Сайбаталов М.Т. проходил в качестве свидетеля [13].

Тактически результативной комбинацией является осуществление допроса руководителей, идеологов или иных лидеров организованных формирований экстремистского толка после проведения допросов рядовых членов формирования или иных соучастников, осуществляющих какие-либо технические, ситуативные, вспомогательные функции, иными словами, осведомленных о фактической стороне своих действий, но, возможно, не посвященных в остальные направления деятельности экстремистской организации. В зависимости от обстоятельств совершенного деяния и конкретной роли в нем таких лиц они не всегда подлежат привлечению к

уголовной ответственности и осуждению. Учитывая конспиративный характер деятельности экстремистских организаций в части сокрытия этапа подготовки экстремистских акций, такие лица действительно могут использоваться лидерами «втемную», т. е. без реальной осведомленности о правовой стороне события, в котором они принимают косвенное или эпизодическое участие. В подобных ситуациях они могут проходить по уголовному делу в качестве свидетелей, в том числе в результате изменения у них изначального процессуального статуса подозреваемого.

Разумеется, рекомендации о проведении тщательного допроса подозреваемых в совершении указанных деяний после всесторонней подготовки к данному следственному действию могут осуществляться только в системной связи с нормами уголовно-процессуального закона, регулируемыми процессуальные действия и процессуальные решения в отношении подозреваемых. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ подозреваемый, задерживаемый в соответствии со ст. 91 УПК РФ, должен быть допрошен в течение 24 часов с момента его фактического задержания, что нацелено на обеспечение подозреваемому его права на защиту. По делам о преступлениях, связанных с организацией экстремистской деятельности, задержание лиц, подозреваемых в осуществлении указанных деяний, с последующим выбором в качестве меры пресечения заключения под стражу, не является редкостью. В этой связи целесообразно не только соблюдать указанные уголовно-процессуальные условия, но и реализовывать их с максимальной эффективностью с точки зрения формирования доказательственной базы по уголовному делу. Если подозреваемый не отказывается давать показания, то первоначальный допрос можно построить таким образом, чтобы он носил ознакомительный характер, в ходе которого, устанавливая психологический контакт с допрашиваемым, и изложения известных ему обстоятельств преступления, возможно выяснить его позицию в связи с возникшим подозрением, доводы, которые он желает выразить в порядке осуществления своего права на защиту и т.п. При этом реализация приемов, направленных на создание преувеличенного впечатления об осведомленности следствия относительно обстоятельств совершенного преступления, должна сочетаться с применением тактических приемов по оставлению допрашиваемого в неведении относительно имеющихся на данный момент пробелов в расследовании. Иными словами, на данном этапе расследования в процессе допроса подозреваемого следует реализовывать комплекс приемов психологического воздействия: «допущение легенды», «оставление в неведении», «создание преувеличенного представления об осведомленности следователя» и т.п.

По мере накопления изобличающих доказательств, полученных из различных источников (невербальной и вербальной природы), следует вернуться к допросу подозреваемого и осуществить повторный допрос более предметно с применением на данном этапе тактических приемов как психологического, так и логического воздействия, объединенных в тактико-криминалистические комбинации. Законодатель не устанавливает запреты или ограничения в отношении количества допросов подозреваемых в отличие от допросов обвиняемых. Если же по делу имеются достаточные основания для предъявления обвинения, то, следовательно, требуется принятие процессуального решения о предъявлении обвинения,

формулирование соответствующего постановления, а также последующий допрос лица в качестве обвиняемого. Но при этом следует принимать во внимание, что в соответствии с ч. 4 ст. 173 УПК РФ повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению, в случае его отказа от дачи показаний, возможен только по просьбе обвиняемого.

Допрос подозреваемых и свидетелей, показания которых представляются достоверными и правдивыми, необходимо осуществлять не менее подробно и тщательно, как и лиц, показания которых вызывают сомнения. Незамедлительно следует подкреплять полученные вербальные данные результатами следственных действий невербальной природы (выемками и обысками; осмотрами предметов и документов, места происшествия и местности; получением информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, контролем и записью переговоров, назначением и проведением судебных экспертиз), иными действиями вербальной или комплексной природы (допросов иных осведомленных лиц, предъявлением для опознания, проверкой показаний на месте). В психологическом аспекте это позволит существенно снизить вероятность изменения показаний допрашиваемыми, а в процессуально-тактическом – обусловит формирование добротной доказательственной базы по уголовному делу.

Резюмируя изложенное, констатируем, что, несмотря на изначально сложный и конфликтный характер следственной ситуации, в которой осуществляется допрос лиц, причастных к совершению преступлений в сфере организации экстремистской деятельности, тактический арсенал отечественной криминалистики предусматривает надлежащие и результативные средства воздействия как на данную ситуацию в целом, так и на отдельные ее компоненты. Разумеется, при условии их стратегически верного выбора и применения, а также соблюдения уголовно-процессуальных правил, гарантий и ограничений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 59–63.
2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 40–45.
3. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Российский следователь. 2015. № 21. С. 5–10.
4. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. Т. 4. № 42. С. 31–35.
5. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 15–154.
6. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и

антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 115–118.

7. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 94–97.

8. Айвазова О.В., Гнетнев И.Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 63–69.

9. Айвазова О.В. Криминалистический прием как криминалистическая научная категория // Юрист-Правовед. 2015. № 3 (70). С. 15–18.

10. Варданян А.В., Айвазова О.В. Тактико-криминалистический прием как научная категория криминалистической тактики: современное состояние и потребность в систематизации // Правовое государство: теория и практика. 2016. Т. 3. № 45. С. 166–173.

11. Айвазова О.В., Коновалов С.И. Криминалистический прием как категория современной науки криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 73–79.

12. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Касымахунов и Сайбаталов против России» (Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia, жалобы NN 26261/05 и 26377/06) от 14 марта 2013 г.

13. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 23 июля 2014 г. // Архив Верховного суда Российской Федерации. 2014. Дело № 333-П13.